

Гермионе и Луне в конце концов удалось убедить Гарри проводить студентов Шармбатона и Дурмстранга, и они прошли через главные двери как раз вовремя, чтобы заметить темный корабль в Черном озере, проскользнувший под поверхность. Они поспешили к толпе, надеясь хотя бы помахать Флер на прощание. Возможно, она общалась с ними всего несколько раз, но они сблизилась с ней после того, как она и Билл откололись от семьи Уизли после Великой катастрофы с зельями. Поскольку оба его любовника были несколько затронуты ее Очарованием, он проводил с ней больше всего времени, когда навещали две «пары». В их дружеских разговорах он начал обращаться к ней за советом, и вскоре она стала старшей сестрой, которую он всегда хотел, когда рос; если бы он мог обратиться к ней, когда был еще студентом, он бы не

Бледно-голубые кареты, казалось, были готовы к отправке, с крылатыми лошадьми в упряжках и багажом внутри, но студенты все еще носились по территории, проводя несколько минут, разговаривая с одной группой студентов, прежде чем спешить к другой. Он не помнил, чтобы что-то подобное происходило в прошлый раз, и взгляд девушек подтвердил его опасения. Что-то было очень не так.

— Арри Поттер! — закричал высокий голос. Он обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть маленький серебристо-светлый шар энергии, прежде чем он влетел ему в грудь, сбив его с ног.

Что это сегодня, когда на тебя набрасываются? , подумал он, глядя на восьмилетнюю вейлу. Габриэль Делакур, младшая сестра Флер, любимица своей семьи и, судя по испуганным голосам других французских студентов, возмутительница спокойствия размером с пинту. Она не торопилась слезать с него, вместо этого болтая по-французски и делая широкие размашистые жесты, время от времени делая короткие перерывы, чтобы ткнуть его. — Э-э, Миона, ты можешь сказать мне, что она говорит?

Когда ответа не последовало, он посмотрел в ее сторону и нахмурился. Она была прямо там, пытаясь — и совершенно безуспешно — скрыть свой смех рукой. Она взяла себя в руки и сказала: «Ну, Гарри, она, кажется, думает, что только совершенно ужасный человек не будет здесь, чтобы попрощаться с ней, поэтому ей пришлось бегать вокруг и искать тебя, потому что только что-то ужасное могло удержать ее». ее герой из... — Она снова фыркнула, затем быстро сказала Габриэль, прежде чем продолжить, — из-за того, что пришел, чтобы ты могла встретиться со своими будущими родственниками.

"Мое будущее что?!"

Луна к тому времени тоже расхохоталась и стояла, согнувшись в талии, ее голова была где-то ниже колен, а зад трясся, когда она чуть не конвульсивно хихикала.

— Твои будущие родственники, Гарри, разве ты не слышал? Ты спас ее из озера, и, поскольку она — маленькая принцесса своего папы, а ты — ее рыцарь в сияющих доспехах, ты должен... от Гермионы, даже когда она спрятала лицо в своих волосах, чтобы противостоять искушению дальнейшего смеха, «...должна следовать сказкам и отвезти ее домой, в свой французский замок, и жить долго и счастливо!» Битва проиграна, она упала на землю с покрасневшим лицом и задыхаясь.

Гарри смотрел на своих возлюбленных в шоке, смятении и немалом предательстве. Они должны были стоять рядом с ним, несмотря ни на что, и первое бедствие, с которым они столкнулись на этой временной шкале, они оба смеялись над его несчастьем. Смеющийся! Он посмотрел на Габриэль краем глаза и нахмурился еще больше; она присоединилась к двум друзьям в хорошую погоду в их веселье, не зная английского достаточно, чтобы понять, что она была источником этого.

«О, она просто очаровательна», — взвизгнула Луна. — Мы можем оставить ее?

«Она не домашнее животное, маленькая луна. Нам нужно вернуть ее семье», — сказал он.

"Тогда можно мне Snorkack?"

Гарри действительно сдержал вздох, хотя это было очень близко. «Да, Луна, если ты и Ксено найдёшь сноркек, ты можешь оставить его себе».

— А можно мне пони? — спросила Гермиона с широко раскрытыми глазами. Она сохранила это выражение лишь на мгновение, прежде чем снова разразилась смехом, из-за чего Луна потеряла свою слабую хватку за серьезность.

Он оттолкнул Габриэль от груди и встал, затем протянул руку и схватил ее за руку. «Давай, мы оставим хихикающих монстров одних. Нам нужно вернуть тебя к Флер».

Маленькая девочка ничего не понимала, пока не было упомянуто имя ее сестры. Крепче сжав его, она рванула его сквозь толпу к другой стороне вагона, где рядом с матерью стояла Флер. Даже способный выдержать притяжение их чувственной ауры, Гарри чувствовал мощное подсознательное принуждение, скользящее по барьерам его с трудом заработанной окклюменцией.

Он откашлялся, чтобы привлечь внимание двух женщин. «Флер, мадам Делакур, кажется, у меня есть кое-что, что принадлежит вам».

"Габриэль!" — позвала ее мать, прежде чем вырвать ребенка из его рук и начать ругать ее.

— Кажется, теперь я должна вам дважды, мсье Поттер, — сказала Флер, — потому что во второй раз вы нашли мою сестру и вернули ее мне.

Он покраснел. «Это не имело большого значения. Она хотела попрощаться, вот и все».

"Нет, это еще не все. Мы искали ее утром и не нашли. Если бы вы не привели ее сюда, я не знаю, что бы мы сделали".

"Я уверен, что вы бы нашли ее," ответил он, отчаянно думая о другой теме. Обильные благодарности всегда заставляли его чувствовать себя неловко. «Что ты планируешь делать теперь, когда закончил школу?»

«Мне предложили должность волшебника гоблинов Гринготтса. Надеюсь, это даст мне время улучшить мой английский».

«Твой акцент сейчас лучше, чем в начале года, — сказал он, — поэтому я уверен, что тебе не потребуется много времени, чтобы говорить как местный житель».

«Ты сказал, что будешь работать на Гринготтс, в качестве надзирателя или разрушителя проклятий?» При всех затратах на охранные услуги Гринготтса лишь немногие волшебники понимали, что гоблины неспособны их создавать. Их магия сделала их естественными кузнецами оружия и доспехов, и они адаптировали множество гномьих техник для зачарования, но обереги были человеческим изобретением. Каждый раз, когда подопечные Гринготтса вводились в эксплуатацию, люди, проводившие фактический кастинг, были людьми, нанятыми банком. Та же тактика использовалась с их разрушителями проклятий, которые были обучены снимать обереги и проклятия с руин и гробниц, чтобы добраться до сокровищ, спрятанных внутри.

«Я буду тренироваться как надзиратель, хотя я хотел бы стать разрушителем проклятий. Думаю, у меня нет для этого навыков. Я был на последнем месте на Турнире».

Гарри покачал головой. «Флер, Турнир был сфальсифицирован с самого начала. В прямой дуэли Крам мог уничтожить всех нас грубой силой, а у тебя и Седрика был самый талант».

— И все же ты выиграл.

«У меня было много людей, которые облегчали мне задачу, — возразил он с гримасой, — так много, что первокурсник, вероятно, мог бы стать Чемпионом, если бы захотел. Я далеко не так хорош, как вы трое. есть, еще нет».

Флер улыбнулась ему: «Еще нет, но скоро. Я не была такой сильной и искусной, как ты, когда мне было четырнадцать. любые сомнения, что ты заслужил победу». Серия звонков помешала ей сказать больше. «Еще пора мне покинуть вас, но скоро я снова буду в Англии. До дзен: «Арри Поттер, до свидания ». Она взяла его голову в свои руки и поцеловала сначала в одну щеку, потом в другую, прежде чем быстро вошла в карету.

Гарри изо всех сил пытался скрыть свой румянец, когда два взгляда, врезавшиеся в его спину, мгновенно удалили его. Вот что люди подразумевают под «поцелуем смерти».

Потребовалось несколько быстрых разговоров — и обещание мороженого для Луны — чтобы Гарри был вычеркнут из списков дерьма его подружек. Он побрел обратно в больничное крыло после того, как они были удовлетворены, намереваясь поговорить с Помфри. Он пообещал

вернуться, если ему будет больно или он устанет, и последние несколько часов, проведенные на ногах, полностью истощили его энергию. Однако более того, Гермиона подтолкнула его к вопросу с помощью простого комментария.

«Конечно, мадам Помфри могла бы найти немного перца, чтобы помочь вам не спать. Вообще-то, пока вы там, попросите немного питательных зелий; я беспокоюсь, что Дурсли снова попытаются морить вас голодом этим летом».

Да, он был уверен, что медсестра может дать ему зелья, которые помогут ему набрать вес, но почему она никогда не давала ему раньше? Он не так уж часто бывал там, но она проводила его многочисленные сканирования каждый раз, когда ему приходилось оставаться на ночь; она никак не могла пропустить очевидные признаки недоедания. Но каким-то образом за те шесть лет, что он находился под ее опекой, она ни разу не упомянула, чем могла бы ему помочь. В общем, это вызвало у него серьезные сомнения в ее благонадежности.

Остановившись возле Больничного крыла, он попытался мысленно подготовиться к предстоящей встрече. В предыдущей временной шкале почти все, кто участвовал в катастрофе, которая была его «детством», уже умерли к тому времени, когда он во всем разобрался, включая Помфри. Теперь, когда он собирался противостоять одному из них, он понял, насколько легче ему было раньше.

Он расправил плечи и прошел в дверной проем. — Мадам Помфри, вы здесь?

— Сюда, мистер Поттер, — раздался голос ведьмы-медика. Он последовал за ним в ее кабинет и на мгновение осмотрел обстановку.

Наименее удивительными были книги, занимавшие книжную полку в левой части комнаты. Справа была полка, уставленная флаконами, и Гарри мог видеть, что каждый из них был помечен маленьким аккуратным почерком. У нее не было настоящего письменного стола, только короткий стол, который стоял на одном уровне с дальней стеной маленькой комнаты. Перед столом стоял табурет на колесиках, а на нем сидела Помфри и усердно писала на нескольких страницах пергамента. Бумажная работа, непреодолимый кошмар.

«Должен сказать, я не ожидал, что ты вернешься так скоро. Я думал, ты будешь давить на себя, пока не рухнешь, и тебя придется нести сюда».

Он покраснел, это было именно то, что он сделал бы и делал в старой временной шкале больше раз, чем он мог сосчитать. «Когда Гермиона увидела, как я устал, она настояла, чтобы я пришел к вам. Я хотел узнать, смогу ли я получить дозу Pepper-Up, чтобы продержаться до вечера».

— Я не могу этого сделать, мистер Поттер, — сказала она. Она развернулась на своем табурете, чтобы полностью повернуться к нему лицом. «Если бы ты только устал, я бы не стал давать тебе что-нибудь, чтобы не уснуть, но твоя магия уже полностью занята противодействием Круциатусу. Лучшее, что ты можешь сделать для себя, если чувствуешь усталость, это принять

короткий отдых."

— Вы действительно заботитесь о своих пациентах, не так ли? Он поразил ее, когда она улыбнулась в ответ: «Но я должен сказать, если тебе так все равно, почему ты ничего не сделала, чтобы исправить то, что моя так называемая «семья» сделала со мной за эти годы?»

Помфри наклонила голову, глядя на руки, которые она скручивала у себя на коленях. "Хотел бы я как-то помочь тебе. Каждый раз, когда ты приходил сюда, я не мог не думать, что это отчасти и моя вина, что ты здесь. Может быть, если бы я лечил тебя, ты бы не умер так много раз" ...»

— Если ты так хотел мне помочь, почему не сделал этого?

«Потому что Дамблдор , — выплюнула она, — использовал против меня клятвы Гиппократата и клятвы, которые я дала, чтобы стать целителем Хогвартса.

Гарри моргнул в замешательстве. «Что ты имеешь в виду, клятвы Гиппократата? И какие еще клятвы?» Он слышал о клятве Гиппократата в маггловском мире, но не знал, что в волшебной Британии существует подобная практика. Гермиона тоже никогда не рассказывала ему о них, но она прошла только три из пяти лет обучения, необходимых для того, чтобы стать целителем.

«Клятвы Гиппократата — это пять магических клятв, которым целители клянутся следовать, прежде чем они закончат обучение и возьмут своих пациентов. студенты, если меня заставят уйти».

— Но как Дамблдор мог заманить тебя в ловушку твоих Клятв? он спросил.

«Клятвы Гиппократата очень специфичны. Они предназначены для того, чтобы целители не попали в ловушку ситуации, когда любой вариант вынудит их нарушить одну из них, но Дамблдор исказил их так, что моя работа сделала это сама.

«Первая Клятва: «Я буду выполнять все процедуры, которые в моих силах, по мере необходимости, и никогда не причиню моим пациентам вреда, действием или бездействием, излишне или несоразмерно пользе, которую они получают от моего лечения. Я клянусь своей магией. .' Его назначение очевидно, не дать любому Целителю причинить больному вред из-за личных переживаний.

Второй: «Я буду информировать своих пациентов об их недугах и правильном лечении, прежде чем назначать какое-либо лекарство. Если мои пациенты несовершеннолетние, я сообщу их опекунам, если только этот опекун не является причиной состояния пациента». моя магия, клянусь. Многим людям удобнее, если они знают, что их Целитель собирается делать и почему. Поскольку мы должны смотреть на пациентов как на людей, а не только на проблемы, которые нужно решить, причинение эмоционального стресса можно считать нанесением им вреда, нарушением первой Клятвы.

Третье: «Я не буду лечить никакое состояние, для которого я не был обучен, кроме как в крайнем случае для пациента, лежащего у подножия Завесы. Я буду искать коллег-целителей, которые хорошо осведомлены и опыты в конкретном состоянии мой пациент страдает от. Клянусь своей магией. Давным-давно, когда целительству обучали через ученичество, большинство смертей происходило по вине молодых целителей, которые не знали, как лечить немощь, с которой они никогда не сталкивались. Существует ряд заболеваний или травм, требующих внимания специалистов.

«Четвертое: «Я буду уважать частную жизнь своих пациентов и не буду раскрывать информацию о них без уважительной причины. Клянусь своей магией». Благодаря проводимым нами обследованиям мы узнаем о пациентах то, что они никогда не расскажут другому человеку. Наша обязанность — вернуть нашим пациентам полное здоровье, а не распространять о них слухи. С другой стороны, в некоторых случаях, таких как жестокое обращение, мы необходимо иметь возможность задействовать DMLE, отсюда и фраза «справедливое дело».

«Наконец, пятое: «Я не буду давать никаких клятв, которые нарушают эти Клятвы, которые я даю как Целитель. Я клянусь своей магией». У этой Клятвы простая цель: она не дает Целителям застрять между противоречащими клятвами».

— Хорошо, — сказал Гарри, обдумав каждую Клятву, — все они имеют смысл на поверхности, но ты не лечил меня от голода, который я перенес, и не звал никого, чтобы забрать меня у моих родственников, так как Вы избегали нарушения Клятвы?»

Помфри вздохнула. — Я не нарушал их, потому что мне пришлось дать две другие клятвы, прежде чем я смог работать здесь. Во-первых, я поклялся своей магией сообщать директору, как опекуну вместо родителей для всех детей, посещающих Хогвартс, всякий раз, когда курс студента лечения требовало долгосрочных действий или когда это мешало бы их способности участвовать в занятиях. Кроме того, если учащемуся не исполнилось по крайней мере семнадцати лет, я должен ждать его разрешения, чтобы продолжить рекомендованное лечение или освободить медицинскую информацию учащегося любому лицу, кроме директора школы и опекунов учащегося.

«Каждый год я говорю Дамблдору, что вам нужно больше помощи, чем я могу оказать за одну ночь, но, хотя он говорит, что поговорит с вашими опекунами, он никогда не разрешает лечение и не позволяет мне консультироваться с экспертами из больницы Святого Мунго».

— Значит, ты не мог лечить меня сам, но ничто не мешало тебе сказать мне...

«Было. Директор также заставил меня поклясться не обращаться ни к одному несовершеннолетнему ученику, в данном случае к вам, по поводу вашего состояния или вариантов лечения, пока я не проконсультируюсь с вашими опекунами и не получу согласия на лечение. Вторая клятва Гиппократы не позволяла мне лечить вас. не сказав вам, что я делал, и моя клятва директору помешала мне сказать вам, поэтому я не мог вас лечить».

Гарри мог понять горе и гнев пожилой женщины. После смерти его родителей им манипулировали, чтобы он стал инструментом Дамблдора, но он был слеп к тому, что происходило за кулисами, пока все не закончилось. Насколько хуже пришлось Поппи Помфри, которая увидела ловушку только после того, как ее уже поймали?

— Но ты сейчас говоришь со мной об этом, так как же ты избегаешь нарушения своих клятв?

Глаза Помфри были тревожной имитацией глаз Дамблдора, а ее злобная ухмылка заставила бы Волдеморта гордиться. «Я не мог сказать вам раньше, но на этот раз вы обратились ко мне ; это лазейка в ограничениях Дамблдора. Поскольку вы уже знаете, теперь у нас есть гораздо больше вариантов...»

Почему я позволил Флер говорить? Я думал, что усвоил урок с первого раза!

<http://tl.rulate.ru/book/74295/2061659>